

Сердце Бодхисаттвы

— Разве ты достоин наставлений того человека? — в гневе воскликнула Чэнь Хунчжу.

— Какое это имеет отношение к другим? — с недоумением спросил Сун Цяньци.

Он чувствовал, что она его неправильно поняла.

Во-первых, он не разбирался в традициях и обычаях, связанных с дарением цитр в знатных семьях. Он просто выбрал самую лёгкую. В его глазах все цитры в ломбарде были обычными. Сделай такую же форму, покрась в тот же цвет, используй то же дерево — и любая цитра, кем бы она ни была сделана, будет называться «Сцена зелёной ряби». Неважно, сколько духовных камней за неё просят, всё это — лишь подделки.

Только такие инструменты, как «Девять небес», «Драконий рёв сухого дерева» или «Голос древности», в которые мастер вложил свою силу и которые существовали в единственном экземпляре, заслуживали называться знаменитыми цитрами.

Во-вторых, старый меч был для него бесполезен. Он только пылился в комнате и занимал место. Он обменял самую ненужную ему вещь на то, чтобы его любимый огород не страдал от потерь и снова обрёл покой.

Как ни посмотри, сделка была выгодной.

— Если бы у меня была такая возможность, я бы никогда её не упустила, — выпалила Чэнь Хунчжу.

— А тебе-то какое до этого дело? — ещё больше удивился Сун Цяньци.

Чэнь Хунчжу топнула ногой и, разгневанная, убежала.

Она наконец поняла, что каждая её встреча с Сун Цяньци, как бы она ни начиналась, всегда заканчивалась её гневом.

Неужели «тот человек», поддавшись минутному порыву, решил наставлять его только потому, что у того был врождённый талант выводить людей из себя?

Ведь говорят, что учитель ищет в ученике себя в молодости.

Хэ Цинцин с тревогой смотрела на конец тропинки, где исчез развевающийся алый подол.

Сун Цяньцзи сунул ей в руки футляр с цитрой:

— Возвращайся скорее.

— Это слишком дорого. Я не могу принять.

И она не смела принять.

Сун Цяньцзи встревожился.

«Только не это! Неужели я всю ночь зря старался?»

Хэ Цинцин услышала, как юноша тихо вздохнул, словно от безысходности:

— Они сегодня хотели напугать меня, вот и привели тебя. А потом, разозлившись, сорвали злость на тебе. Ты пострадала из-за моей неосторожной шутки. Считай эту цитру извинением. Прими её.

Извинением? Никто никогда перед ней не извинялся. Словно всё, что с ней случалось, было предрешено. Год за годом она и сама начала так думать.

Хэ Цинцин подняла глаза. Лунный свет очерчивал прекрасный профиль юноши, смягчая его острые черты и окутывая его бледным серебристым сиянием. Он был похож на милосердного и сострадательного бога.

Говорили, что в Академии «Зелёный Утёс» есть свой бог. Проктор Цзы Е Вэньшу — вечно бесстрастный, вечно справедливый, холодный и недостижимый. Один взгляд на него напоминал о всех суровых законах мира. Хэ Цинцин видела его своими глазами и считала, что это преувеличение. Старший брат Цзы Е, хоть и был лишён мирских желаний, всё же оставался человеком.

А вот юноша перед ней был больше похож на настоящего бога. Он казался таким близким, и в то же время был бесконечно далёк.

— Возвращайся, тренируйся, и пусть на Изыщном Собрании «Достичь известности» твоё мастерство поразит всех. Желаю тебе блестящего будущего.

Сказав это, Сун Цяньцзи не услышал ответа. Он почувствовал неладное и пригляделся...

Чёрт, опять плачет!

Слёзы беззвучно хлынули из глаз Хэ Цинцин:

— Даже с цитрой я не смогу пойти на Собрание. Старший брат, скорее верни цитру в ломбард и выкупи свой меч!

— Почему?

— Я не могу играть произведения Феи Мяо Янь. Мне предначертано судьбой не владеть такой прекрасной цитрой. Но доброту старшего брата Суна я запомню навсегда и в следующей жизни вернусь жёлтой птицей, чтобы отплатить кольцом, или стану конём, или быком...

— Подожди, — прервал её Сун Цяньцзи с недоумением. — А при чём здесь Мяо Янь?

Почему она везде?

— Если я заявляю произведение Феи Мяо Янь, ученик, принимающий заявки, отказывается меня записывать. Говорит, что такая, как я, не смеет играть музыку Феи, это — неуважение к ней.

Популярные сейчас произведения для цитры почти все были написаны Феей Мяо Янь. Хэ Цинцин не могла позволить себе купить ноты, но обладала абсолютным слухом: услышав мелодию один раз, она могла в точности её воспроизвести. Но слышала она, как играют только музыку Мяо Янь.

— Это не проблема, — подумав, сказал Сун Цяньцзи. — Я напишу для тебя произведение. Не думаю, что оно будет хуже её.

— Старший брат, ты и в музыке разбираешься?

— Немного.

Сун Цяньцзи сегодня уже держал в руках кисть, но написал лишь два иероглифа и один талисман. Рука ещё помнила ощущение кисти, и ему даже захотелось снова взяться за неё.

В прошлой жизни, после помолвки с Мяо Янь, она перестала сочинять сама. Половину произведений, которые она исполняла, он добывал в рискованных экспедициях в древние руины. Другую половину он находил, разыскивая смертных музыкантов. Он общался со всеми, невзирая на их статус: и с придворными музыкантами, и с уличными артистами.

В процессе этих поисков Сун Цяньцзи и сам научился играть на цитре, и даже разработал свой собственный, уникальный подход к искусству звуковой атаки, отличающийся от традиционных техник Школы Божественной Мелодии.

Но Мяо Янь говорила, что в нём слишком много жажды убийства, и игра на цитре может повредить дух инструмента, поэтому он редко играл.

Сун Цяньцзи хотел было написать что-нибудь простое.

Он начал с мелодии «Гегемон-царь снимает доспехи», но на мгновение замер.

Взглянув на луну, он вдруг почувствовал, что её свет сегодня особенно холоден. Лепестки персика, кружась, падали на землю, словно снег.

Как в той последней битве на его пути беглеца.

Он видел в своей жизни много снегопадов, но ни один не пробирал до костей так, как тот.

Мысли, ведомые кистью, полились на бумагу, и когда он закончил, мелодия стала совсем другой.

К счастью, не в худшую сторону. Сун Цяньцзи мысленно проиграл её и остался доволен.

— Возьми, сыграешь на Собрании. Только не говори, что это я написал, чтобы избежать лишних хлопот.

Он протянул ей ещё не высохший лист с нотами, но боялся, что эта девушка, столкнувшись с другой проблемой, снова придёт плакать под его окном.

Даже если он это выдержит, его огород — точно нет.

Поэтому он сказал:

— Мне не нужна твоя благодарность. Я лишь прошу тебя об одном.

Хэ Цинцин не могла поверить, что Сун Цяньцзи, только что сказав, что напишет музыку, тут же, одним росчерком кисти, создал произведение. Она взяла ноты.

— Всё, что в моих силах, я сделаю, даже если придётся пройти сквозь огонь и воду!

— Больше не плачь, — сказал Сун Цяньци.

— А?

— Это единственное, о чём я прошу. Не нужно ни огня, ни воды.

Сказав это, Сун Цяньци с облегчением закрыл дверь.

Ночь без горестных рыданий, наполненная ароматом цветов и стрекотом сверчков, сулила крепкий сон до самого утра.

Завтра будет ещё один день, полный трудов на земле.

Хэ Цинцин, прижимая к себе цитру, шла в ночи одна.

Она выбрала короткий путь. Каменные ступени были крутыми, с одной стороны — отвесная скала, с другой — пропасть.

Лунный свет скрылся за ночным туманом, слышен был лишь рёв воды и эхо звериного рыка.

Порывистый ветер свистел, трепля её тонкое белое платье, словно пытаясь сорвать её хрупкую фигурку в бездонную пропасть.

Но она шла не медленно, и каждый её шаг был твёрд, а спина пряма, как сосна.

Словно она шла по широкой, ровной дороге, через многотысячную толпу, не сводя глаз с цели.

«Я больше никогда не буду плакать, — думала она. — Возможно, количество слёз, отпущенных человеку на всю жизнь, ограничено. Мои слёзы закончились. Теперь настало время плакать другим»

<http://bllate.org/book/16982/1586252>